

На правах рукописи

Баинова Оюна Александровна

**СЕМАНТИКА ЦВЕТА
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ
ЗАБАЙКАЛЬЯ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ)**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры
(культурология)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Улан-Удэ – 2005

Работа выполнена в научно-исследовательской лаборатории социолингвистики и речевых коммуникаций ФГОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Шулунова**
Людмила Владимировна

Официальные оппоненты: доктор культурологии, профессор **Гомбоева Маргарита Ивановна**

кандидат филологических наук, профессор **Любимова Людмила Михайловна**

Ведущая организация: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН

Защита состоится «30» июня 2005 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета К 210.002.01 по присуждению ученой степени кандидата наук при Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств по адресу: 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, Зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств.

Автореферат разослан «30» мая 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат педагогических наук,
доцент

Назаров В.К.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В условиях современности, характеризующейся процессами глобализации культур, актуальной является проблема изучения основ традиционной культуры и ее сохранения. Кроме того, в полиэтническом обществе, в частности, российском, как известно, существует проблема межкультурной коммуникации, которая может рассматриваться в аспекте культурно-языковой – лингвокультурологической – компетенции носителей контактирующих культур. Применительно к Забайкальскому региону (Республике Бурятия) это выражается, например, в том, что русскоязычная часть республики не понимает содержания передач республиканского телевидения и радио, спектаклей бурятского драмтеатра, национальных праздников и т.д.

В реферируемой работе цвет, точнее, цветовой концепт понимается как своеобразный ключевой концепт мировидения – «этноэйдем». В этом смысле этноэйдемами русской культуры являются *красный, белый, черный, голубой* (отчасти *синий*), так как понятия, выражаемые ими, являются наиболее значимыми для носителей данной культуры. Механизм их выявления подробно описан в этнопсихолингвистической литературе (Белов, Василевич, Залевская и другие). Что касается бурятских цветообозначений, то, к сожалению, пока нет достаточно полных сведений, результатов различных психолингвистических экспериментов, которые позволили бы выявить подобные этноэйдемы для бурятской культуры. Между тем общепризнанным фактом является то, что национальные особенности той или иной культуры отражаются в языке ее носителей, поэтому в современных исследованиях говорится не только об антропоцентрическом, но и этноцентрическом характере лексических значений.

Таким образом, изучение так называемой «традиционной» семантики бурятских и русских цветовых концептов необходимо для более глубокого понимания культурного наследия народов, для решения проблем межкультурной коммуникации, способствующего успешному диалогу разных взаимодействующих культур.

Степень изученности проблемы. На сегодняшний день существует большой массив зарубежной и отечественной литературы, посвященной проблеме цвета, так как цвет является предметом исследования в разных научных дисциплинах. Однако проблематика ре-

ферируемой работы потребовала обращения прежде всего к рассмотрению традиционной культуры.

Изучению проблем традиционной культуры посвящено огромное количество трудов, тем не менее, работы в этом направлении продолжают оставаться актуальными: в условиях глобализации именно традиционная культура, по мнению отечественных ученых, выступает фактором национальной безопасности (М.А. Бирюкова, П.С. Гуревич, А.С. Каргин, Т.А. Кудрина, А.Н. Соловьева, В.Г. Федотова, и другие). Поэтому в научной литературе последних лет пристальное внимание уделяется проблемам традиции вообще и традиционной культуры в частности, причем как на общероссийском уровне (И.В. Кондаков, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев, В.Д. Плахов), так и на региональном (Л.Л. Абаева, К.Д. Басаева, М.И. Гомбоева, В.Л. Кургузов, Т.М. Михайлов и другие).

Одной из главных задач изучения традиционной культуры исследователи называют выявление внутреннего смысла на символическом и концептуальном уровне. В частности, Л.В. Санжеева отмечает, что реконструкция модели мира, состоящей из многочисленных картин и являющейся основой традиционной культуры, позволит «проследить ее современную роль в развитии общества, культуры и человека в глобальном масштабе...» (Санжеева, 2004, с. 189). Культурологическое осмысление истоков традиционной культуры дается в работах В.Д. Бабуевой, в которых подчеркивается роль знаний о культурном наследии народа в процессе его духовного возрождения. Большое внимание уделяется описанию символики в традиционной культуре, в частности символики цвета.

Монографии, посвященные исследованиям традиционной культуры: русской (А.К. Байбурин, Ф.Ф. Болонев, Н.Н. Велецкая, А.А. Потехина, В.Я. Пропп, Б.А. Рыбаков) и бурятской (Л.Л. Викторова, Г.Р. Галданова, Н.Л. Жуковская, Т.Д. Скрынникова и другие) стали ценным источником для проведения концептуального анализа семантики цвета. В первую очередь следует выделить работы Н.Л. Жуковской «Категории и символика традиционной культуры монголов» (1988), «Об одном из способов передачи культурной традиции у монголов (цветочисловые категории)» (1989). В них на основе глубокого анализа сделан очень важный вывод о том, что категория цвета, как и категория числа, в монгольской культуре является семантически наиболее нагруженной. Особенно ярко это выражается такими понятиями, как *белый* – *черный*, которые в монгольской (бурятской) куль-

туре выступают философскими субстанциями, равнозначными понятиям *добра и зла*.

В исследованиях Г.Р. Галдановой «Доламаистские верования бурят» (1987), «Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов» (1992), «Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее» (1998) и др. содержится обширный материал по обрядовой практике народа. Данные, полученные автором в ходе полевых работ, вызывают большой интерес с точки зрения существовавшей у бурят цветовой маркировки ритуальных действий.

В плане рассмотрения культуры старообрядцев (семейских) Забайкалья большое значение имеют труды Ф.Ф. Болонева, В.П. Мотицкого, А.М. Селищева, содержащие историко-этнографические данные по культуре старообрядцев. Исследованиями народного творчества данной локальной группы занимались Г.И. Ильина-Охрименко, А.А. Лебедева, М.Г. Тарусская и другие ученые. В частности, в работах Г.И.Ильиной-Охрименко содержатся необходимые сведения о росписях домов, предметов быта, отличающихся богатой палитрой красок, полихромностью.

Среди работ, исследующих природу концепта, следует особо выделить публикации С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова. По мнению Д.С. Лихачева, аспекты анализа семантики концепта значительно расширяют сферу историко-культурных исследований. Концепт, представляя собой некое коллективное духовное состояние общества, является тем, «в виде чего культура входит в ментальный мир человека... с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» (Степанов, 2001, с.43).

Особую ценность представили труды А. Вежбицкой, В.В. Воробьева, В.Г. Гака, А.П. Кузнецова, В.А. Масловой, И.Г. Ольшанского, Е.О. Опариной, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасовой, посвященные проблемам лингвокультурологии, изучению взаимодействия двух разных семиотических систем – культуры и языка.

В 1969 г. Б. Берлином и П. Кеем в работе «Базисные цветообозначения» была выдвинута гипотеза о закономерности появления цветообозначений в языке. В настоящее время эта гипотеза не утратила своей актуальности (в том числе и для реферируемого исследования).

Исследования по фольклору (Т.А. Павлюченкова, А.И. Уланов, С.Ш. Чагдуров и другие) послужили ценным источником для изучения цветовой символики в культуре народов, а именно для выявле-

ния наиболее значимых цветовых концептов, функционирующих в языке устного народного творчества.

В плане искусствоведческих работ особый интерес вызвали те, в которых имеются необходимые сведения о семантике цвета в декоративно-прикладном творчестве (Н.В. Кочешков, М.А. Некрасова, Б.Э. Петри, И.И. Соктоева, Е.А. Баторова).

Итак, несмотря на существование большого массива работ, посвященных изучению цвета, исследований особенностей семантики цветовых концептов в бурятской и русской культурах в лингвокультурологическом аспекте ранее не проводилось, в то время как подобная работа, на наш взгляд, необходима в условиях межкультурной коммуникации.

Объект диссертационного исследования – бурятская и русская традиционные культуры.

Предмет – семантика цветовых концептов и ее репрезентация в языковой картине сравниваемых культур.

Цель работы – выявить особенности семантики цветовых концептов в бурятской и русской традиционных культурах на основе сравнительно-сопоставительного анализа.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие конкретные **задачи**:

- обосновать лингвокультурологический подход к изучению семантики цвета;
- рассмотреть семантику цветовых концептов в бурятской и русской традиционных культурах;
- адаптировать лингвистическую гипотезу Б. Берлина и П. Кея к предпринимаемому исследованию;
- дать лингвокультурологическую характеристику бурятских и русских цветообозначений;
- определить общее и специфическое в картине цвета сравниваемых культур.

Методология исследования. Важное методологическое значение имел принцип культурного релятивизма (Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, О. Шпенглер и другие), главной ценностью которого является признание абсолютной самобытности любой культуры. Именно в этом ключе рассматривался и анализировался предмет диссертационного исследования. В дальнейшем это позволило провести сравнительно-сопоставительный анализ семантики цветовых концептов в бурятской и русской культурах.

Теоретико-методологическим обоснованием проблемы соотношения культуры и языка явились взгляды отечественных и зарубежных ученых (А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, А.А. Потебни, В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа и других), выдвинувших положение о том, что культура и язык являются формами сознания, отображающими мировоззрение человека, причем и культура, и язык имеют коммуникационную и символическую природу.

Семиотическая концепция культуры, разрабатываемая представителями тартуско-московской школы во главе с Ю.М. Лотманом, дала возможность понимания цветового кода как определенного символа, знака-носителя информации о специфических явлениях культуры. Применительно же к традиционной культуре главным признаком символов (сформулированным Ю.М. Лотманом) становится то, что, приходя из глубины веков и видоизменяя свое значение, они передаются будущим состояниям культуры, что позволяет выстроить некую символическую модель мира, в частности такого ее фрагмента, как картина цвета.

Методологической базой анализа цветовых концептов стали работы, посвященные исследованию концепта, выявлению его буквального смысла (или, выражаясь языком лингвистики, внутренней формы), структуры и т.д. и раскрывающие его связь со словом (С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов).

При реконструкции картины цвета в бурятской и русской традиционных культурах в качестве основы была принята гипотеза американских ученых Б.Берлина и П.Кея о существовании в языке определенной закономерности появления названий для того или иного цвета. Выбор этой гипотезы в качестве исходной применительно к данному исследованию объясняется тем, что такая своего рода эволюция цветоименования в языке отражает последовательность появления соответствующих концептов цвета.

Поставленные задачи определили использование следующих основных **методов** исследования: историко-культурологический, методы концептуального, компонентного анализ, сравнительно-сопоставительный, описательный.

Эмпирической базой исследования послужили:

- произведения устного народного творчества: русский фольклор, бурятский эпос «Гэсэр»;
- экспозиция старообрядческого комплекса из Этнографического музея народов Забайкалья, репродукции с печатных изданий;

- этнографические данные М.Н. Хангалова, Г.Р. Галдановой, Г.-Д. Нацова;

- лексикографические источники.

Научная новизна работы:

- представлена попытка сопоставительного изучения семантики цвета в бурятской и русской традиционных культурах в рамках междисциплинарного подхода, осуществляющегося на уровне лингвокультурологии;

- рассмотрена семантика цветовых концептов как ключевых концептов мировидения бурятской и русской культурами в аспекте гипотезы Б. Берлина и П. Кея, в результате чего дана попытка реконструкции картины цвета в сравниваемых культурах;

- проведен лингвокультурологический анализ предмета исследования, позволивший более полно раскрыть содержание цветовых концептов, причем лексикографические данные послужили ценным материалом для данного анализа;

- раскрыты общие и специфические черты бурятских и русских концептов цвета, определена роль картины цвета в традиционных культурах бурят и русских на основе сравнительно-сопоставительного анализа.

Теоретическая значимость обусловлена тем, что предлагается лингвокультурологический метод сравнительно-типологического изучения культур народов Забайкалья, что дает перспективу для дальнейших исследований в области сравнительной культурологии, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии.

Практическая значимость. Отдельные положения работы могут найти применение в преподавании культурологии, в частности таких культурологических дисциплин, как региональная, историческая, сравнительная культурология; лингвокультурологии; при разработке спецкурсов для студентов-культурологов, этнокультурологов, искусствоведов и студентов, изучающих прикладное искусство; при написании учебных пособий по специальностям «мировая художественная культура», «декоративно-прикладное искусство» и т.д. Также фактический материал имеет значение для лексикографической практики, в частности, может быть использован при создании лингвокультурологического словаря, как толкового, так и переводного русско-бурятского и бурятско-русского, словаря символов и т.д.

Основные положения, выносимые на защиту:

- семантика цветовых концептов отображает особенности традиционной культуры, способствует выявлению ее специфических и типологических черт;
- к культурологическим исследованиям может быть применена гипотеза Б. Берлина и П. Кея, «работающая» в лингвистических, психолингвистических, этнопсихолингвистических работах;
- при анализе семантики цветовых концептов лингвокультурологические характеристики цветообозначений являются важным источником национально-культурной информации;
- изучение общего и специфического в картине цвета разных взаимодействующих культур играет большую роль в процессе оптимизации межкультурной коммуникации в условиях полиэтнического общества, способствует формированию цивилизованных норм взаимопонимания народов.

Апробация. Основные результаты работы апробированы на Международной конференции «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии» (Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств), научно-практических конференциях Бурятского и Новосибирского госуниверситетов, в публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, раскрыта научная новизна, определены объект и предмет, цели и задачи, теоретическая и практическая значимость, границы исследования, представлены основные положения, выносимые на защиту, охарактеризованы состояние и степень научной разработанности проблемы.

Первая глава «Цвет в бурятской и русской традиционных культурах» посвящена изучению семантики концептов цвета в традиционных культурах русского и бурятского народов, связанных давними традициями совместного проживания.

В **первом параграфе «Проблема изучения семантики цвета: теоретико-методологический подход»** рассматриваются разные подходы к изучению цвета, поскольку цвет, представляющий собой самое ясное визуальное качество окружающего мира, воспринимае-

мое человеком, имеет для него большое значение. Поэтому цвет является предметом изучения многих наук как естественного, так и гуманитарного направлений. Это, в свою очередь, объясняет тот факт, что единый подход к изучению семантики цвета не выработан.

Рассмотрение же данной проблемы в аспекте междисциплинарной науки – лингвокультурологии, исследующей язык и культуру в их диалогическом взаимодействии, – представляется актуальным. Именно междисциплинарный подход на сегодняшний день становится все более востребованным, так как в центре внимания современной науки находится человек во всех его взаимосвязях с окружающим миром.

Задачи параграфа обусловили рассмотрение данной проблемы в плане соотношения научных и наивных знаний о цвете, причем большое внимание уделяется концепту как некоему «кванту» знания, содержащему результаты всей человеческой деятельности в процессе постижения мира. В современных исследованиях гуманитарного направления именно концепт становится предметом пристального внимания ученых. Применительно к реферируемой работе концепт определяется как понятие, вобравшее в себя сгусток культуры социума (Ю.С. Степанов), причем, по сравнению с понятием, концепт является более объемным мыслительным конструктом сознания, так как он состоит из самого понятия и ценностного представления о нем. Итак, ученые справедливо утверждают, что человек живет больше в мире концептов, нежели в мире предметов и вещей, причем огромное количество информации поступает к нему через слово.

В языковом знаке, будь то отдельные лексемы, словосочетания или идиоматические выражения, как известно, отображаются ментальные особенности носителей определенной культуры. Цветообозначения (а именно в их форме реализуются цветовые концепты в языке) также не являются исключением: в их семантике можно найти информацию о национальной специфике культуры.

В полиэтническом обществе возрастает роль культурно-языковой, или лингвокультурологической, компетенции. В связи с этим ученые выдвигают такую задачу лингвокультурологии, как экспликация культурной значимости языковой единицы (знания о культуре). Все это может быть реализовано в плане прикладных, например, лексикографических задач, решающих проблему фиксации в словаре культурной информации.

Итак, исследование семантики цвета в лингвокультурологическом аспекте (описание цветообозначений, с точки зрения культуроспецифических свойств) может приобретать особую значимость в ситуации взаимодействия культур.

Во *втором параграфе «Семантика цветовых концептов в бурятской традиционной культуре»* проводится попытка реконструкции бурятской картины цвета. В основу была положена гипотеза Берлина-Кея об эволюции цветообозначений в разных языках мира, которая отображает последовательность выделения человеком того или иного цветового концепта в процессе освоения им окружающего мира: *белый и черный – красный – желтый* и т.д.

Белый (сагаан) и *черный (хара)*, как и во многих других культурах, выступают антиподами – по противопоставлению дня и ночи, света и мрака, олицетворяющие доброе и злое начала, но особенность этой оппозиции для бурятской культуры состоит в том, что *белый – черный* в культуре бурятского народа распространяется на широкий круг предметов и явлений, что было продемонстрировано на примере обрядов, народного искусства, устного народного творчества. Эти концепты включают в себе сложившиеся в процессе многовековой истории мировоззренческие установки народа, выражающиеся прежде всего в нравственно-этических нормах и ценностях.

В свадебных и похоронных обрядах бурят часто используются предметы *белого, черного и красного* цветов, которые выступают как определенные знаки, указывающие на переход человека из одного состояния в другое.

Семантика *красного* как цвета жизни, крови тождественна *белому*. В свадебном обряде *белый и красный* цвета являются наиболее употребительными и зачастую могут быть взаимозаменяемыми. Рассматриваются примеры, подтверждающих связь *красного и белого* при проведении обрядов и ритуалов и указывающих на то, что концепт *белый* имеет двойственную природу: с одной стороны, символизирует рождение, жизнь, а с другой – смерть.

В похоронном обряде цветом маркируются возраст умершего человека. В одном из описаний проведения похорон (в ритуале омовения) упоминается *черная* (чистая) и *белая* (забеленная молоком) вода: *черная* вода выполняет функцию мертвой, *белая* – живой воды (белый цвет молока является символом духовной чистоты, просветления). Причем обряд с использованием *черно-белых* предметов завершается раздачей всем участникам иголки с *красной* ниткой: по-

видимому, она символизирует пуповину, которая связывает ребенка с матерью, и является знаком продолжающейся жизни. Так, в обряде посвящения в шаманы использование предметов белого цвета также дополняется красной шелковой ниткой, соединяющей во время обряда шамана-отца и молодого шамана. Белый же в данном случае обозначает новое состояние человека - его перерождение в качестве шамана.

Цветовая семантика в обрядах символизирует диалектику жизни, отражает мировоззренческую установку народа на то, что рождение - свадьба - смерть - рождение и т.д. – это циклический переход из одного состояния в другое. Следует отметить в этой связи и подвижность, переходность, текучесть трех основных «обрядовых» цветов: *белого* – *красного* – *черного*. Причем, как это было рассмотрено на конкретных примерах, *красный* может быть отнесен одновременно как к *белому*, так и к *черному*, хотя в последнем случае в меньшей степени, чем в первом.

Взаимосвязь этих цветов может встречаться и в народном искусстве бурят, где любая вещь не просто утилитарна, но и символична, так как в традиционной культуре предметы наделяются духовным началом, которое выражается и через цвет. Отмечается устойчивость сочетания *красного* и *черного* в декоративном оформлении большинства предметов, в том числе входящих в приданое невесты у предбайкальских бурят (стрелохранилище, подголовники, сундуки и т.п.).

Следующим рассматривается концепт *желтый (золотой)*, который связывается в сознании человека с солнцем, следовательно, имеет черты солярного символа. Интерес вызвал тот факт, что у предбайкальских (западных) бурят желтый цвет негативен: в Гэсэриаде *желтый/шара* употребляется в описании дьявола Гал-Нурмана. Как символ божественного *желтый* получил свое распространение с приходом буддизма.

Возможно, следующим по значимости у бурят выделился не *зеленый*, а *синий (голубой)* цвет, так как это было связано с культом неба - Хүхэ мүнхэ тэнгэри (Вечное Синее Небо). Культ солнца, луны и небесных светил постепенно сменяется культом неба, наделяющегося священным смыслом. *Синий*, по сравнению с *белым*, *красным*, *желтым*, обретает большую семантическую значимость и становится особо почитаемым цветом. В культуре монголоязычных народов он символизирует верность, постоянство, преданность Родине. *Зеленый* цвет - цветущую степь и вечную жизнь.

«Сетка» основных цветов, к которым относятся *белый, черный, красный, желтый, синий, зеленый*, накладывается на всю национальную культуру бурятского этноса, является одним из элементов его традиционного мировоззрения. Как знаки-символы эти цвета несли определенную семантическую нагрузку в картине цвета бурят.

Третий параграф «Цветовые концепты в русской традиционной культуре». В мифологии древних славян оппозиция *белый – черный*, символизирующая доброе и злое начал выражается противопоставлением самых древних божеств - Белбога и Чернобога.

Белый цвет верхней одежды являлся признаком праздничности, в частности свадебного наряда. Более архаичное значение белого цвета проявляется в том, что свадебный убор невесты по цвету подобен савану, одеянию покойника. По-видимому, переход невесты в другую семью, чужой род также приравнивался смерти. Тем не менее, самые плохие стороны человеческого бытия связывались с *черным* цветом, символизовавшим потусторонние, нечистые силы, а в сочетании с *красным* он считался цветом дьяволов и демонов.

Следующим по значимости в цветовой эволюции у многих народов выделился *красный*, который на Руси считался самым любимым цветом. Он символизировал солнце, являлся знаком крови, родства, любви. Любовь к *красному* подтверждается существованием уже к началу XVIII века ряда названий, тонко дифференцировавших оттенки этого цвета: *красный, алый, червчатый, брусничный, киноварный, маковый* и т.д. *Красный*, не имевший раньше цветового значения, первоначально обозначал все красивое и прекрасное. Эстетический идеал Прекрасного наглядно выражен в народно-поэтических формулах: *красно солнышко, красна девица, весна красна* и т.д. Посредством этого же слова обозначалась внешняя, фасадная, лицевая часть дома (*красные окна, красное крыльцо*). В самом жилище выделяли священный *красный угол*.

Зеленый символизировал распутившуюся Природу. Культ березы как жертвенного дерева связан именно с земледельческим укладом хозяйствования русского народа. Прослеживается символическая связь между *береза – русалка: русалка*, являвшаяся древнерусской богиней (*берегиней*), по версии Б.А. Рыбакова, этимологически восходит к слову *береза*. В этом случае можно говорить о предметно-ассоциативной связи русалки с зелеными волосами и березой, длинные ветви которой покрыты зеленой листвой.

Образцом же многоцветного восприятия и отражения цветовой картины мира можно считать домовые росписи семейских Забайкалья, представляющих собой своеобразную этнографическую группу русского старообрядческого населения Сибири.

Через образно-цветовые элементы рассматривается символика трехчленного пространственного деления жилища, отражающего архаичную модель мироздания. *Верх жилища* – потолок и верхняя часть стен – расписан в виде концентрических кругов (солярные знаки) в основном *желтого* и *красного* цветов. *Середина жилища* – стены, основным узором которых букеты или деревья в вазонах, прообразом которых является древо мировое. *Нижняя зона* – пол – маркируется чаще коричневым или бордовым цветом, символизирующим землю. В горизонтальной схеме пространства жилища выделяется *центральная зона* – печь, являющаяся, как известно, организующим началом. Низ печи – опечье – расписывали либо в виде ромбовидных, прямоугольных сеток, раскрашенных в разные цвета (*красный, желтый, зеленый, синий*), либо в виде растительных узоров – букетов, деревьев в вазонах, олицетворяющих плодоносящую землю.

Таким образом, пространственная организация традиционного жилища отражала представления человека о мироустройстве, причем цвету придавался символический и эстетический смысл.

В народной росписи часто можно обнаружить такие черты, которые свидетельствуют о культурном взаимодействии русских и бурятских мастеров (Большой Куналей, Верхний и Нижний Жирим). А под влиянием русских западные буряты используют растительные узоры в росписях, вышивку крестом и гладью, изготавливают плетеные напольные коврики из остатков тканей разных цветов. Их орнаментация отличается многоцветием, пестротой рисунка.

Любовь к ярким, насыщенным цветам, тяготение к полихромности в украшении жилья, предметов быта распространялись и на традиционный костюм семейских. Излюбленными тонами одежды семейских являются *алый, лиловый, зеленый, черемуховый, синий и оранжевый*, вобравшие в себя все краски забайкальской флоры. При этом непременно атрибутом праздничной одежды считалось украшение из янтаря, в котором прослеживается, на наш взгляд, семантика солярного знака, обусловленная выбором камня именно желтого цвета.

Постепенно сложившаяся таким образом хроматическая картина отражает длительный процесс освоения человеком окружающей

природы, в ходе которого появлялась необходимость выделения того или иного цвета из общей палитры и осознания его значимости.

Во второй главе «Семантика цветообозначений в бурятском и русском языках: лингвокультурологический аспект» в аспекте лингвокультурологии анализируется содержание цветовых концептов в языке, в котором они выражаются в форме цветообозначений.

В первом параграфе «Лингвокультурологические особенности семантики бурятских цветообозначений» рассматривается семантика бурятских основных цветообозначений в сопоставлении с данными Главы I, а также с семантикой русских основных цветообозначений. Так, в семантике концепта *белый* выделяются наиболее значимые для бурятской культуры понятия святости, чистоты, благородства, честности, незапятнанности, мудрости и т.д.

При этом было выявлено, что структура словарной статьи (СЧ) к дескриптору Сагаан (Белый) нуждается в изменении относительно выделения такого значения (лексико-семантического варианта), как «священный», поскольку *белый* цвет всегда имел для бурятского народа ярко выраженный сакральный характер и связывался в его представлении с божественным началом. Семантика *сагаан* (белый) как цвета, символизирующего смерть, не нашло своей лексикографической закреплённости в силу архаичности этого значения.

Характерно, что в бурятском языке, так же как и в русском и ряде других (по мнению же В.Г. Гака, - во всех языках) «цветовые» слова могут употребляться не только для названия определенного цвета, но и выступать в качестве усилительных слов: *улаан/хүхэ энээдэн* (гомерический хохот), *хара хүйтэн* (очень холодно), *хара эртэ* (очень рано) и т.д., ср. в русском: *зеленая тоска* (*скука зеленая*), во французском: *freid noir* означает «сильный холод» (букв. черный холод). И хотя невозможно логически объяснить, почему тот или иной цвет связывается с интенсивностью, тем не менее можно предположить, что подобная универсалия каким-то образом связана с общими законами ассоциативного мышления.

Интересно отметить тот факт, что в бурятском языке для обозначения *голубого* (светлых оттенков синего) цвета существует две лексемы: *сэгээн* «голубой, светло-голубой» и *сэнхир* «светло-голубой, светло-синий (о море, небе)» (СЧ, с. 401, 403), в то время как в русском - одна, а, к примеру, в английском отдельной лексемы с соответствующим значением нет: *blue*, как известно, обозначает и *синий* и *голубой*. По-видимому, дифференциация в бурятском языке связана

с различной денотатной соотнесенностью цветообозначений *сэнхир* и *сэгээн*. Так, *сэнхир* чаще всего относится к природным объектам для описания воды, неба, цветов и т.д.: *сэнхир огторгой* (голубое небо), *сэнхир хонхонууд* (колокольчики), в то время как *сэгээн* определяет предметы, созданные человеком, например, *сэгээн бүд* (голубая ткань).

Специфика лексемы *хүхэ* (*синий*), заключающаяся в одном из значений - «зеленый», - для обозначения травы: *хүхэ ногоон* (*синяя трава*), обусловлена экстралингвистическим фактором (природными особенностями местного колорита), объясняющим данную особенность: «весной, когда травы начинают выпускать первые ростки, в степях и полупустынях образуются синие миражи» (Дулам, 1997, с.22). В том же ключе рассматриваются и другие (*улаан*, *ногоон*, *хара*, *боро*) основные цветообозначения бурятского языка.

Во **втором параграфе «Семантика цветообозначений в русской культуре»** анализируется семантика этой группы слов на материале лексикографических данных.

Анализ толкований слов, полученных в результате сплошной выборки, показал существенные различия в дефинициях рассматриваемых словарей (БАС, МАС, СО, СД). Кроме того, сопоставление лексикографического материала с данными психолингвистических экспериментов (Фрумкина, 1984; Василевич, 1983, 1987) выявило несоответствие словарных дефиниций производных цветообозначений представлениям рядового носителя языка о соответствующем цвете.

Даются свои варианты толкований, основывающиеся на собственных представлениях о цвете (метод интроспекции) с учетом экспериментальных данных и наиболее адекватных, на наш взгляд, описаний, предлагающихся тем или иным словарем.

Приводятся описания для *яблочный*, *болотный*, *чайный*, *томатный*, *сливочный*, «цветовой» статус которых не подтвердился ни в одном из рассматриваемых словарей, тогда как по результатам психолингвистических экспериментов указанные слова для носителей русского языка наделены «цветовым» смыслом.

В результате проведенной работы выяснилось, что данные лексикографических описаний и экспериментальные данные не совпадают ни по одной из подгрупп цветообозначений, вследствие чего необходимым считается пересмотр традиционной подачи материала в толковых словарях русского языка.

Анализ семантики цветообозначений, функционирующих в диалектной речи, проводился на материале диалектных словарей (СРГЗ, СГСЗ). Большой интерес вызвали бурятизмы – слова, заимствованные из бурятского языка: *улановый*, *уланистый*, *уланить* и т.д. (от *улаан* – *красный*), *саганистый*, *цаганный* (от *сагаан/ цагаан* – *белый*), *шохойстый* (от *шохой* – *мел, известь*), означающий «белый, как мел», например: «Такой шохойстый, что на мертвеца похож. Новая Брянь» (СРГЗ, с. 465), *газаристый* (от *газар* – *земля*), означающий: «Темнолицый. Она тоже газаристая, их пара газаристых. Петро-заводск» (СРГЗ, с. 86) и др.

Была выявлена особенность заимствования слов с «цветовой» семантикой из бурятского языка, заключающаяся в том, что заимствуются в основном наименования *красного, белого, черного* цветов. Этот языковой факт служит подтверждением тому, что перечисленные цвета находятся в основе восприятия, ощущения и понимания человеком мира. Как отмечалось в Главе I, именно они выполняют «ритуальные» функции и имеют более архаичную семантику, по сравнению с другими.

Кроме того, функционирование такого цветообозначения, как *уланить* («красоваться») (ср. также *улановый* «красный», *уланистый* «румяный» и т.д.) в местных говорах является подтверждением версии Н.А. Цомакиона о том, что *красный* в говорах Сибири сохраняет значение «красивый, хороший».

Таким образом, семантика цветообозначений в диалектной речи представляет несомненный интерес в плане сохранения в ней «культурной» памяти, отражения наиболее характерных черт «традиционной» семантики цвета, а также заимствования как закономерного явления в процессе межкультурного общения.

Третий параграф «Общее и специфическое в картине цвета» посвящен сопоставительному изучению семантики концептов цвета, выяснению роли картины цвета в бурятской и русской культурах. Необходимо признать тот факт, что с точностью реконструировать эволюцию картины цвета невозможно, но не вызывает сомнений, что *белый, красный, черный, желтый, синий, зеленый* цвета выполняли функцию знаков-символов в обеих культурах.

Общим в картине цвета является также бинарная оппозиция *белого* и *черного*, символизирующая светлые и темные стороны человеческого бытия. Это прослеживается на примере похоронных и свадебных обрядов. *Белый* в рассматриваемых культурах выступает как

цвет, имеющий двойственный характер: символизирует жизнь и смерть одновременно.

Семантика *красного* как символа солнца, света, крови, родства, *желтого* как солярного знака и божественного, *зеленого* как знака плодородия и *синего* как олицетворения неба известна обеим культурам: в основе подобной общности лежат краски природы.

При определении места и роли цвета в культуре народов выявляется, что «сетка» основных (природных) цветов (*белого, черного, красного, желтого, синего, зеленого*) накладывается на всю национальную культуру того и другого народа, является одним из элементов традиционного мировоззрения.

К специфическим чертам бурятской картины цвета относится более ярко выраженная символика *белого* как священного знака, выражавшегося в культе солнца, в очистительной силе огня, почитании животных белой масти, а также как знака духовной власти. Оппозиция *белого – черного* выражает противопоставление запада – востока в пространственном членении мира, соответственно добрых – злых тэнгринов (шаманов, кузнецов), мужского – женского начал.

Триада *белого – красного – черного* отличается, как это было рассмотрено на конкретных примерах, взаимозаменяемостью ее составляющих. Следовательно, в традициях монголоязычных народов семантика *белого* как символа солнечного света, *красного* – жизни, а *черного* – смерти не так однозначна, как это может показаться на первый взгляд.

Специфика символики *синего* объясняется особым почитанием неба – Хүхэ Мүнхэ Тэнгэри (Вечное Синее Небо). Семантика *желтого* в бурятской культуре имеет, на наш взгляд, более ярко выраженный сакральный смысл, чем в русской.

Буддизм оказал большое влияние на формирование символических значений бурятских цветовых концептов. Так, почитаемыми и любимыми цветами среди бурят до сих пор являются *белый, красный, желтый, синий, зеленый*; *черный* же, символизируя отрицательные стороны бытия, к ним не относится.

Относительно роли цвета в традиционной культуре подчеркивается, что символика основных цветов используется во всей духовной и материальной культуре бурят: цветовая маркировка пространства юрты по сторонам света (ср. с цветовой геосимволикой народов Центральной Азии), цветовой код пищевых продуктов (связанный с ми-

ровоззренческими установками о священной, греховной, нейтральной и плохой пище), года по 60-летнему восточному календарному циклу.

Отличительной чертой русской картины цвета является то, что *красный* имеет более концентрированный пучок символических значений, вследствие его приоритетного положения по сравнению с другими цветами (символ целомудрия новобрачной, знак замужества, маркировка священного пространства и т.д.)

Специфика русской колористической картины (относительно роли цвета в традиционной культуре) заключается в том, что цветовой код не занимает столь значимого места в обыденной жизни народа, как у бурят, по крайней мере, не осталось примеров, свидетельствующих об этом. В то же время традиция цветовой кодировки в отдельных ее элементах сохраняется в культуре и по сей день. Земледельческий тип культуры нашел свое воплощение в образно-цветовых элементах и обусловил специфику картины цвета в народном творчестве. При этом цвет в основном выполняет эстетическую функцию.

Примерно к началу XVIII века в русской культуре существовала полихромная, более богатая, по сравнению с бурятской, картина цвета, в которой имелось место и для самых различных оттенков основных тонов. Большую роль в этом сыграло более раннее становление русской народности, а также ее взаимодействие с культурами других народов. Это может быть прослежено на уровне языковых заимствований слов, обозначающих цвета, из западноевропейских языков, которые, в свою очередь, унаследовали разветвленную систему цветообозначений греческого языка.

В Заключении подведены основные итоги работы и намечены перспективы дальнейшего исследования.

Данные нашего исследования в целом подтверждают гипотезу Берлина-Кея о закономерности появления названий цветов, по крайней мере, в той ее части, где речь идет о первых трех названиях для *белого/сагаан*, *черного/хара* и *красного/улаан*.

На основе сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены универсальные и специфические черты в семантике бурятских и русских цветовых концептов, определены место и роль картины цвета рассматриваемых культур.

Обращение к языковым (лексикографическим) фактам, необходимым для более полного сопоставления семантики цветовых концептов в бурятской и русской культурах, выявило сложную, подчас противоречивую картину отображения цвета в языке.

В результате сопоставления семантики бурятских и русских цветковых концептов и цветообозначений пришли к выводу о том, что создание лингвокультурологического словаря является необходимым условием для более полного понимания и осознания фактов как своей, так и чужой культуры.

Такой словарь сочетал бы в себе признаки филологического и энциклопедического словарей. Речь идет о так называемом «универсальном» словаре, в котором отражалась бы вся культурно значимая информация о чем-либо, и, в частности, это могла быть информация о «традиционной» семантике цвета. Иначе говоря, словарь содержал бы такую интерпретацию реалии, концепта, которая отражала бы культурный опыт данного народа.

Издание же лингвокультурологического переводного русско-бурятского и бурятско-русского словаря, также содержащего культурно значимую информацию о том или ином цветовом концепте, может способствовать повышению лингвокультурологической компетенции - знания системы культурных ценностей, выраженных в языке.

Исследование концептов цвета как своеобразных концептов мировидения показало, что знание их «традиционной» семантики необходимо для более глубокого понимания основ той или иной культуры и сохранения ее самобытной системы ценностей в условиях глобализации, с одной стороны, и межкультурной коммуникации таких разных культур, как бурятская и русская, с другой. В этом плане данная работа открывает новые познавательные перспективы для изучения историко-культурного взаимодействия народов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Баинова О.А. Цветовая символика в эпосе «Гэсэр» / О.А. Баинова, С.Ш. Чагдуров // Вестник БГУ. Сер.6: Филология. Вып.1. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1997. – С. 30-36.

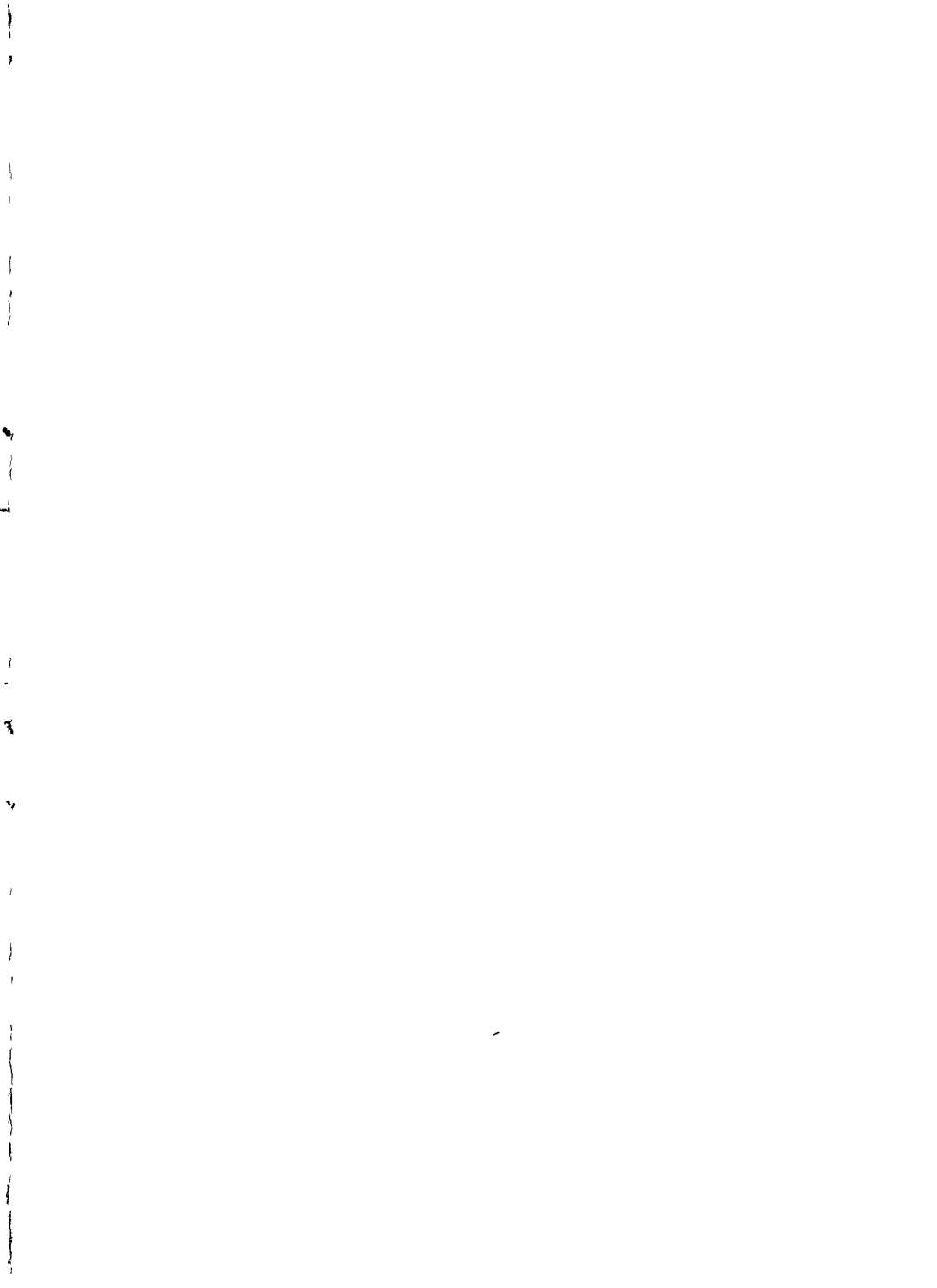
2. Баинова О.А. К изучению цветообозначений в диалектной речи //Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Филология. - Новосибирск: СО РАН, 1999. - № 4. – С.78-82.

3. Баинова О.А. О лингвокультурологическом аспекте изучения цветообозначений //Язык. Миф. Этнокультура. Сер.: Проблемы лингвокультурологии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2003. – С.10-14.

4. Баинова О.А. Отражение в словаре национальной специфики языка и культуры //Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: Материалы II Международной научно-практической конференции. Т.2. – Улан-Удэ: ГОУ ВСГАКИ, 2004. – С. 182-188.

Утверждено к печати 27.05.05. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л. 1,2. Тираж 100. Заказ 1391.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

РНБ Русский фонд

2006-4

31233

15 ИЮЛ 2005

